

Адаменко Светлана

Амурские рассказы

Аркадьева 2019

Оглавление

<u>От автора.....</u>	2
<u>Образы детства.....</u>	4
<u>Плов.....</u>	5
<u>Дорога домой.....</u>	6
<u>Мамина помощница.....</u>	9
<u>Покос.....</u>	10
<u>Поход.....</u>	11
<u>Баночка варенья.....</u>	13
<u>Немного о коровах.....</u>	15
<u>Об Амуре с любовью.....</u>	20
<u>О важности мячика в жизни ребёнка.....</u>	24
<u>Рассказы дальневосточника.....</u>	27
<u>Ночь страха.....</u>	28
<u>Памяти Геннадия Ивановича.....</u>	28
<u>Весенняя охота.....</u>	29
<u>Заветная мечта.....</u>	30
<u>О тех, кто рядом.....</u>	36
<u>Мамы.....</u>	37
<u>История одного аквариума.....</u>	38
<u>Из жизни данио.....</u>	42

От автора

Уважаемый читатель, взрослый или ребёнок! Автор этих рассказов осмелилась представить их вашему вниманию и просит не судить строго, ведь это её первые произведения. Среди них вы найдёте как серьёзные, так и шуточные истории, воспоминания детства, наблюдения за питомцами. Если они вызовут у читателя переживания или радость – любые эмоции – значит автор трудился не зря.

И ещё. В большей или меньшей степени все эти рассказы связаны с природой родного Приамурья, а значит любовь к малой родине – лейтмотив каждого сочинения. Поэтому автор посчитала необходимым иллюстрировать книгу фотографиями амурских просторов, чтобы читатель имел возможность окунуться в родную стихию начинающего писателя.

Образы детства

Плов

Когда я ещё не ходила в школу, мой папа работал механизатором (трактористом) в колхозе «Амур». Но он водил не какой-то там затрапезный колёсный «МТЗ» или гусеничный «ДТ», покорявший колхозные просторы со скоростью улитки! Папа работал на «К-700». Этот огромный красный «Кировец» вставал за двором, казалось мне, высотой с дом. Мотор ревел, вызывая вибрацию великана, а колёса были в полтора раза выше меня и оставляли широкие и глубокие следы от мощных протекторов. Когда он приближался, всё вокруг начинало дребезжать – дорога, дом, посуда в шкафах. Простые смертные механизаторы пахали на синих «Беларусах» или гусеничных «ДТ», но, само собой, только моему папе доверили «К-700»! Не без гордости я рассматривала, как блестят на солнце все восемь лемехов плуга, подвешенного к «Кировцу». Не каждый трактор справился бы с этим агрегатом!

Не только созерцание этого величайшего из тракторов вызывало восхищение. До сих пор не оставляет меня чувство избранности из-за того, что папа доверял мне заводить его. Брал меня с собой в кабину, я с усилием нажимала на круглую резиновую кнопчку, после чего великан-трактор резко вздрагивал и взрёвывал, затем начинал громко и равномерно гудеть и дребезжать, колебаться под воздействием мощного сердца-мотора внутри него, который был заведён с моей лёгкой руки.

Иногда папа брал меня с собой на поле. Хоть плуг был и восьмилемешный, но даже для него процесс вспашки бескрайнего поля был длительным. В качестве развлечения в кабине я рассматривала разноцветные лампочки разных датчиков, а также время от времени пила ледяную воду из большого алюминиевого термоса, которая наливалась в его пластмассовую крышку, по совместительству служившую кружкой величиной с мою голову. Для разнообразия был ещё и чай – очень густой, с плавающей заваркой и несладкий. Я наблюдала то в лобовое, то в заднее окно, как папа опускает плуг в землю, тащит его, взрыхляя полосу земли длиной до конца поля, поднимает плуг, разворачивается достаточно широкой амплитудой, после чего опускает плуг, тащит его обратно, и так до бесконечности. Увлекательнейшее из развлечений.

Досконально изучив особенности весновспашки, я умудрялась засыпать, приклонив голову к железной спинке сидения, подложив под голову папину фуражку, при этом не взирая на тряску трактора, пашущего землю, дребезжание кабины и невыносимую духоту. А эти ни с чем не сравнимые ощущения, когда попадаешь на большую землю после долгого пребывания в ходящей ходуном целый день кабине...

После таких трудов не грех и пообедать. На поле подъезжает большой «ЗиЛ». Откуда ни возьмись возле машины оказывалось ещё человек десять колхозников. Оказывается, на этом поле мы с папой не одни. Обед вскрыл истинное положение вещей. В кузове «ЗиЛа» появились импровизированные лавки из досок, поперёк поставленных на борта, две добрые женщины в белых косынках открывают зелёные баки – увеличенные копии солдатских походных котелков, раскладывают по тарелкам аппетитный плов с мясом, а из дюралевой фляги в железные кружки разливают горячий чай. Одна тётя

с доброй улыбкой на лице протягивает и мне обед. Мужики смотрят на меня, тоже улыбаются. Все разглядывают меня с таким видом, словно я победитель соцсоревнования, герой-стахановец. А мне так стыдно – ведь все работали, пахали землю, а я в кабине дрыхла всё это время. Вроде как есть-то не заслужила! Так стеснялась. Кое-как папа меня уговорил пообедать. А плов-то горький! А чай-то несладкий! Бедные дяди – как они едят и пьют!

Это сейчас я понимаю, что это был самый вкусный плов и самый вкусный чай в моей жизни!

Дорога домой

На дворе стоял тёплый сентябрь. Уборочная пора в разгаре. Папа мой – механизатор колхоза «Амур» - работал в этот период колхозной жизни на красном большом комбайне «Енисей». Этот чудо-агрегат, в сравнении с чётким и привычным глазу «Кировцем» представлял собой беспорядочное собрание железных деталей всевозможной формы, водружённых на какие-то небывалые гусеницы. В довершении всего, дикий образ «лунохода» дополняла стеклянная кабина, пристропанная сбоку, чтобы взобраться на которую нужно было преодолеть пять или шесть ступеней вертикальной металлической лестницы. Боковое расположение кабины ломало всякие стереотипные представления о положении зада и переда техники. Представлялось, что конструкторы сначала и вовсе не собирались делать кабину, и в последний момент всё-таки решились и присобачили её там, где оставалось место – то есть сбоку вверху.

Ужасала взгляд чудовищная жатка, занимавшая две трети дороги и представлявшая собой несколько длинных трубок, соединённых вокруг сердцевины, усеянных металлическими штырями. Для неискущённого в технике взгляда пятилетнего ребёнка комбайн, появлявшийся около забора в обеденный перерыв, производил когнитивный диссонанс. Страшно было представить, как он выглядит в работе, с крутящейся впереди жаткой, вбиравшей в себя сухую растительность и изрыгая из высокой трубы зерно в кузов «ЗиЛа». Тот факт, что приводил в движение это устройство мой папа, внушал мне скорее беспокойство за отца, чем восхищение комбайном.

В один прекрасный сентябрьский день, с утра не предвещавший ничего особенного, мы играли с моим двоюродным братом. Поиграть со мной всегда казалось скорее одолжением с его стороны, ведь какому мальчишке девяти лет захочется нянчиться с мелкой девчонкой, хоть она ему и сестра и любит его, как и положено любить брата.

Папа, отправившись с обеда на поле, взял нас собой на комбайне. Жажда приключений оказалась сильнее моего чувства страха, и преодолев те ступени, внушавшие ужас, я оказалась в кабине. Что до Серёги, то он, как и следует, смотрел на меня с чувством пренебрежения. Ведь он никогда и ничего не боится, а что до комбайнов – да он их голыми руками!

Так как ничего не предвещало подвоха, я не стала тратить время на снаряжение, и как была в домашних тапочках, которые мне были велики на пару размеров, так и отправилась в путь. «Ничего страшного» - хором сказали мне все.

Так и оказались мы в поле, достопримечательностью которого была черёмуха, издалека похожая на большого ёжика. Осенние сельхозработы мало забавляли двух малых детей. Серёга и папа вели свой мужской разговор, а я пыталась найти в нём для себя что-то интересное или хотя бы понятное. Спустя какое-то время, папа подвёз нас на комбайне к краю поля, наверное, нам было пора домой.

Домой так домой – тоже хорошо, - думала я, разглядывая выбритые на поле полосы. Недалеко от дороги он остановился, открыл кабину и выпустил нас, лишь показав рукой направление к дому. Не знаю, как Серёга, а я была в ужасе: мы в чистом поле, бог его знает, где деревня, к тому же, что хуже всего, я в домашних тапочках, которые никак не могу себе позволить замарать, ведь мама наругает. Серёга, естественно, сгущал краски, что он такой же заблудший путник, как и я. Но надо было отправляться в путь. Страшновато идти в никуда – здесь, на поле хотя бы папа и другие люди – а что там, в неведомой дали? Но со мной же Серёга, а он ничего не боится. Он решил, что надо идти по этой дороге в направлении, указанном папой, ведь спасение утопающих, понятно, чьих рук дело. Поревев чуть-чуть от безысходности, я поплелась вслед за братом.

Так мы шли по неведомой нам бесконечной дороге – справа – поле, слева вдоль дороги редкие деревья, за ними низина, покрытая высохшей высокой травой. У нас это место называлось Истоком. В низину периодически заходила вода с Амура, потом покидала её, оставляя за собой причудливые шалаши и тоннели из травы, мимо которых мы не могли просто так пройти. Высота сухой травы в сочетании с нашим небольшим ростом позволяла нам играть в прятки, перемещаясь внутри замысловатых травяных лабиринтов, оставаться абсолютно незамеченными друг для друга. Конечно, искала в основном я Серёгу, боясь остаться одна в этом чуждом мире, а он ловко и юрко ускользал от моего взора, затаившись в «норке». Только лишь по шуршанию можно было понять, где он находится в данный момент. Но стоит только приблизиться к месту засидки, как брат тут же перемещался абсолютно незамеченным, пользуясь моей детской и девчачьей неспешностью. Этот большой лабиринт с кучей входов и выходов, созданный самой природой, не мог не вызывать у нас чувство восторга. С каким азартом и радостью мы на коленках облазили все его тоннели. Сейчас столько детских развлечений и аттракционов, но, я уверена, ни один из них не может вызвать такого азартного, захватывающего чувства, как спутанная водой в диковинные фигуры трава.

Какая-то неведомая сила заставила двух маленьких детей вырваться из притягательного плена лабиринта и отправиться в дальнейший путь. Ведь реальность была такова, что дом, по нашим представлениям, был ещё не близко, и мы были одни в этом пустынном мире. Так неторопливо мы побрели дальше по дороге. Всё также справа тянулись поля, а слева – та же низина.

Вдруг за спиной раздался топот копыт. Прямо по дороге на нас неслись несколько лошадей. Но тот ужас, который они внушали видом неминуемо надвигающейся опасности, изображал их именно так: это был целый табун необузданных животных, которые дико неслись на нас с бешеной

скоростью, выбивая копытами клубы пыли, их ржание доносилось издалека угрожающими раскатами. Мы бросились бежать со всех ног. «Это дикие лошади!» - кричал мне Серёга, любивший сгущать краски – «Света, беги! Беги, Света!» - подгонял он меня, оглядываясь с опаской назад. «Серёжа, подожди! – непрерывно просила я, - я не могу быстро бежать! Подожди, Серёжа!» Великоватые тапочки то и дело норовили покинуть мои ноги и замедляли меня. Да и где мне, пятилетней девчонке, утнаться за мальчишкой старше себя и тем более удрать от диких лошадей. Но чувство страха творит чудеса и позволило бежать нам быстро и долго.

Не помню, чего я хотела больше – убежать от преследуемых нас лошадей или догнать брата. То и другое для меня было затруднительно. Мы бежали, и сами того не ожидая, оказались на ферме. Лошади замедлили свой бег. Оказалось, именно сюда они и направлялись, а мы-то думали... Человек на ферме начал загонять их в загоны, а они послушно и спокойно следовали в ворота, занимая места у кормушек. К этому времени я и догнала Серёгу, когда опасность миновала, и он остановился. Я же бежала ещё по инерции. Брат остановил меня: «Видишь, они не дикие» - заключил он. Будто бы я одна их боялась и одна бежала, как сумасшедшая!

У нас был огород за фермой, через неё и ходили на картошку. Так что это место я припоминала. Тут и Серёга вёл меня с видом бывалого. Прошли по дороге между загонами, пустыми, по причине того, что жильцы – коровы – пребывали на летних пастбищах. Вот и деревня. Стоя на развилке, брат, показывая на разные направления, объяснял, что это ведёт к той улице, а это – к моей. Здесь он и оставил меня, наказав идти прямо. Снова меня оставили в незнакомом месте. На сей раз одну. И за что только детям в пять лет такие испытания? Что делать – так и пошла. Только лишь дойдя до родного поворота, за которым дом, где моя мама ждала меня, я успокоилась.

Прошли годы. То, что казалось страшным испытанием, стало смешным воспоминанием. А в 9 лет я уж знала всю свою деревню наизусть, а чуть позже и до поля с черёмухой-ёжиком сама и с товарищами ходила не раз.

Мамина помощница

Если пойдёте за деревню, выйдете на трассу, перейдёте на ту сторону Гануканского моста, спуститесь с дороги, пересечёте карьер, потом доберётесь до дубовой рощицы, то совсем недалеко окажется наша земля. Останется только либо напрямик пересечь соседское соевое поле (надо же – мы соседями и по полю и по дому были), либо по глинистой дороге вдоль Ганукана дойти до еле заметной границы между полями и свернуть направо. И вот он – наш огород. Замысловато, конечно, но если всё лето туда ходить пешком, то уж с третьего раза с закрытыми глазами доберётесь. 8 га земли и ещё 7 га покоса – вот пай, предоставляемый колхознику, если тот решит его покинуть. Этакая постколлективизация.

На деле же мы не пользовались и гектаром. Несколько соток засаживали картофелем и тыквой. Мама брала меня с собой на поле, на меже сооружала «шалаш» из двух рогатул и покрывала, чтобы под чистым небом меня не оставлять. Сама полола тяпкой картошку, разбивая здоровенные сухие комки земли, словно сделанные из цемента, и сетуя, что земля глинистая. Я брала книжку про клевер и медуницу и читала, сидя в своём шалаше. Разумеется, мы брали с собой в рюкзаке попить и поесть. Мама предпочитала работать до победного конца и не любила отвлекаться на еду и даже на питьё. Я же с нетерпением ждала обеда, когда она придёт. Без неё позволить себе поесть я не могла. Наконец, мама приходила, мы доставали редиску, огурчики, лук-батун – всё, что бог послал нам в огород, хлеб, который сами пекли в кругленьких эмалированных чашках в старенькой духовке, может быть, что-то ещё, чем были богаты, но особо богаты мы не были. Эти припасы в сочетании с природой – чистым небом, щебетанием птиц, шелестом травы – составляли чудный долгожданный обед, после которого мама снова уходила работать, а я принималась за книжку. Мне тяпку не доверяли, за что мне было стыдно. Позже папа сделал мне маленькую тяпочку, я стала полоть тыкву в лунках. Так что, когда родители приходили на тыкву с большими тяпками, я уже заканчивала своё поручение, радуясь, что приношу пользу.

Потом шли домой. Вода к этому времени иссякала в наших запасах, а идти далеко. Идём, разглядывая цветочки, растения, вслушиваясь в пение птиц, любуясь красотой летней природы. С тех самых пор я усвоила, что весь мир прекрасен, но лучше всех моя родина.

Уже в деревне мама попросила в крайнем доме попить. Хотя наш дом в конце этой же улицы, ноги уже еле идут, кажется, что идти ещё до вечера. Тётя Таня вынесла в большой металлической кружке колодезной ледяной воды. «Чувствуешь, берёзкой пахнет», - заметила мама, напившись. И мы пошли дальше.

Приходишь домой – вот радость! Сядешь на стул – век бы не вставал. Так сидишь-сидишь, а встать и не можется. Мама посмеивается: «Всегда, говорит, так: идёшь – ещё бы прошёл столько же, а только отдохнёшь – тяжело двигаться. Поэтому я и не люблю отдыхать».

Покос

Как если на нашем поле встать, чтоб по правую дубрава малая, а по левую дубрава побольше (она далеко-далеко), то впереди, через поле окажется луг, по периметру окаймлённый небольшим тальником с двух сторон, с одной – террасой (наверное, то древний берег Амура). В тени тальника всё зарастало папоротником, который мы по весне собирали большими сумками. Летом я ходила туда за цветами. Склон террасы живописно обрастал ирисами, пестрил саранками жёлтыми и красными – все цвета радуги оказывались на одной поляне. Далеко луг заканчивался парой озёр, которые в дождливые времена объединялись в одно. Назывались они Пилинские. Тот луг и есть наш покос.

Мама шила одежды из белого ситца, папа точил косу-литовку, казавшуюся мне до того острой и опасной, что страшно было даже смотреть. И мы шли на покос. Папа косил, мама мне показывала озёра, собирали цветы.

Косу сменили на грабли, да какие грабли – папа их сделал полностью деревянные. Через неделю переворачивали скошенную траву, чтобы сохла. Благодаря июльскому зною вскоре цветочно-медовый запах луга сменился запахом сена. Родители стребали его в копну, а я должна была утрамбовывать сено, что я с радостью и делала, прыгая на нём, что есть силы. А стог всё рос и рос с каждой новой порцией сена, которую папа уже

даже с трудом поднимал на длинной деревянной раздвоенной вверху палке. Я с важным видом человека, приносившего пользу, не жалела ног, утаптывая как можно плотнее доверенный мне стог. Меж тем работа подошла к завершению. За заботами я и не заметила, как стог вырос, возвышаясь над папой на метр-полтора, представляя собой высокий холм. А как же вниз мне спуститься? Катиться – боюсь – слишком круто, прыгать – высоко. Вот подвох, так подвох! Папа снял меня, конечно, куда уж деваться, хоть и страшно мне было. С детства уверенность: родители в беде не оставят!

Поход

Как и все порядочные, уважающие себя дети, мы с моей подругой детства Ольгой мечтали сходить в настоящий самостоятельный поход. Конечным пунктом нашего путешествия непременно должен был стать луг у Пилинских озёр, ведь я считала своим долгом показать подруге то чудесное место.

С Ольгой можно было обойти полмира, что мы и делали. Не успевал сойти снег по весне – мы уж по колено в талой воде идём за вербой, непременно подальше за деревню, ведь к ближним ивнякам мы относились с презрением. Намамываем пару охапок веток и в Вербное воскресенье раздаём её всем добрым людям, которых встретим по дороге. То нас приспичит изготавливать в промышленных масштабах понарошные конфеты для игры, и мы носимся по деревне, собирая по дороге фантики, заворачивая в них камни. А летом бегали купаться на Амур, как и полагается – босиком (Оле обувь покупалась только в школу, а я – за компанию). Мы вообще во всём предпочитали минимализм. Исследовали местность на предмет вкусной черёмухи, деля поровну добытые кисточки с ягодой. Осенью же бродим до заморозков по лесу, разыскивая рязаньку, боярку, шиповник – всё, что съедобно, и особый деликатес – дикую яблочку, которая кислая и твёрдая летом, но мягкая и сладкая осенью. Зимой же, чтобы порезвиться, предостаточно было и огорода за домом – снежная целина –

простор для детской развесёлой фантазии. Но и за деревней не прочь побродить между складами зернового двора, побуровить где-нибудь нетронутые сугробы.

В нашу компанию больше никто надолго не помещался. Кого-то мама не отпускала, кто-то сам бы не пошёл. Мы же с Ольгой часто спорили, ссорились – она была очень упряма, но и я не всегда уступала. Но мирились вскоре: мы были нужны друг другу.

Покорять просторы малой родины мы ходили вдвоём. В подготовке к нашему первому походу даже мама приняла участие, снаряжая едой рюкзак. Помню, она припасла где-то два розовых пряничка с глазурью – как раз для меня и Ольги.

В тот солнечный, жаркий день родители должны были отправиться на огород, который за Гануканским мостом, а мы с Ольгой – туда же в поход (вроде как под присмотром). Пришли мы на луг, но место для привала сыскать было не так-то просто: трава в июле нашего же роста. К тому же белый ломонос плотно сплетал растения между собой, что затрудняло ходьбу по лугу. После долгих скитаний мы расположились под сенью раскидистой ивы и быстро покончили с нашими припасами, в том числе и с пряниками, покрытыми розовой глазурью. Когда основные пункты программы нашего похода были выполнены, то есть обед был позади, сразу оказалось скучновато. Так как домой не хотелось, то мы отправились на Пилинские озёра, что впереди сверкали на солнце голубой рябью и манили своей видимой близостью. Они же предательски раскинулись дальше, чем нам казалось. Шли мы долго, по пути несколько раз передумав, но тем не менее, не останавливались на полпути. По мере нашего приближения к заветной цели ясное голубое небо заволокло серыми тучами, озёрные чайки нервно засуетились над водой. Луговая трава начала сменяться шаткими кочками.

Становилось как-то беспокойно, и было решено повернуть вспять, так и не дойдя до озёр. Обратный путь был таким же длинным, но ещё более невесёлым: тучи темнели, заморосил дождь. Когда мы вышли к краю поля, мои родители уже заждались нас. Мама не оценила положительным образом нашу эскападу, негодуя по поводу дождя, под который никто не планировал попасть, но благодаря нам эта неприятность случилась. А до дому идти ещё час. Уставшие и обескураженные мы шли домой, подгоняемые дождём, который сменился ливнем. Ни на ком, естественно, не осталось и сухой нитки. Мои тапочки то хлюпали, то квакали на ногах, их подошвы вымылись до первозданной белизны. Даже никогда не унывающая Ольга шла, понуро склонив голову, прижимая к себе букет саранок – напоминание о нашем походе. Несмотря на всё это, на душе было спокойно: родители рядом, и всё самое страшное позади.

Сквозь ливень выглянуло солнце, вызвав к жизни радугу. Дождь кончился, мы просохли, усталость прошла, настроение вернулось.

Любовь к походам – это то, что нас объединяло с Ольгой всё детство.

Баночка варенья

Когда моё поколение рождённых на рубеже восьмидесятых-девяностых пребывало в поре безоблачного детства, родители этого поколения переживали труднейший период жизни, вызванный прежде всего сложной геополитической обстановкой в стране и мире. Всех без исключения родителей тогда сильнее всего занимали пара главных вопросов, связанных с потомством: чем накормить и во что одеть. По сравнению с этими другие проблемы воспитания казались второстепенными.

Каждый взрослый по-своему решал эти трудности: те, кто имел работу, могли рассчитывать на зарплату, пусть редкую и маленькую; некоторые, кто имел свой транспорт, возили рассаду и урожай продавать на рынках за тридевять земель. Кто-то, как мой сосед, занимался фермерством, выращивая сою, но таких были единицы. Пока папа искал работу, у нас было лишь две кормилицы – корова и мамина швейная машинка (они частично решали оба указанных выше вопроса). Но для всех перечисленных категорий

людей было непозволительной роскошью не иметь своего огорода и личного подсобного хозяйства (коровы, свиньи, куры).

Но были и те, которые пытались найти ответы на насущные вопросы абсолютно нерациональным образом: они беспробудно пили. Чаще всего у них не наблюдалось ни огорода, ни хозяйства, так как эти занятия они пренебрежительно считали ниже своего достоинства. Их детям приходилось самим решать, где взять поесть и во что одеться. Несмотря на все испытания судьбы, забегая вперёд, отмечу, что эти дети превратились в достойных людей, оберегая уже своих детишек от разных невзгод. Да и будучи детьми они были прекрасными товарищами, готовыми поделиться всем, что у них было. Я же в свою очередь, считала своим долгом хотя бы накормить своих подруг тем, что смогу незаметно утащить из кухни.

Подруга Ольга была из такой семьи. Также жила и Алёнка. Она была года на полтора всего-то старше меня, но я в её глазах выглядела малым ребёнком. Алёнке приходилось кормить и себя и по возможности своих.

Если бы все думали только о себе, то человечество бы вымерло. Если бы не доброта и сострадание, присущие некоторым людям, мир давно бы рухнул. Моя соседка, пенсионерка, всю жизнь работавшая медсестрой в сельской больнице, Лариса Алексеевна, как раз обладала этими качествами, на которых держится свет. Мы жили через дорогу и видели, что всё лето Алёнка ходила к ней, как к родной бабушке, помогала ей то в огороде, то по дому, а Лариса Алексеевна давала девочке овощи и другие продукты. Так что Алёна кормила себя своим трудом с детства. Мама всегда хвалила её, ставя мне в пример её трудолюбие и ответственность.

Мне не известно, как они нашли друг друга. Думаю, что Лариса Алексеевна не могла остаться безучастной к лишениям Алёнкиной судьбы и придумала такой способ её подкормить. Затраченные при этом трудовые усилия ребёнка были вполне посильными для её возраста, и в этом я убедилась лично.

То было ясное июльское утро. Я искала себе компанию, чтобы пойти на Амур, поэтому и пришла к Алёнке. Подруга посмотрела на меня с таким видом, в котором я прочитала: «у этих детей одни забавы на уме, а у меня забот полон рот». Согласилась, но после того, как сделает все запланированные дела (немыслимая по детским меркам ответственность). Я же, чтобы приобщиться ко взрослому миру забот и побыстрее вновь окунуться в мир детства (т.е. в речку) подвизалась помочь ей. И мы пошли к Ларисе Алексеевне.

На сегодняшний день запланированные заботы заключались в сборе малины для варенья и само собой варке варенья. Лариса Алексеевна повесила нам на шею по маленькому эмалированному бидончику и отправила в заросли малины. Между прочим, ягода не была для меня диковинной, естественно, в нашем огороде я её постоянно собирала и ела, да и варенья мы варили предостаточно. Но здесь малины было бескрайне. Колочие кусты, усыпанные сладкими красными ягодками, изгибались ветвями и шелестели верхушками высоко над нашими головами. Зелёная густая стена скрывала нас друг от друга. Мы ходили по этому длинному коридору и собирали урожай. Когда берёшь с куста алую мягкую спелую

ароматную ягоду, невозможно удержаться и пронести её мимо рта, особенно если тебе лет десять. Да и зачем себе отказывать, если находишься в море малины. «Одну ягоду в бидончик, а две – в рот» - подшучивала надо мной Алёнка, из-за чего мне становилось немного стыдно, ведь я пришла помочь, а не развлекаться.

Лариса Алексеевна тут же, во дворе завершала все приготовления для варки варенья. Прямо на улице уютно расположились небольшая плита, столик с чистейшими прозрачными баночками, уже, наверное, простерилизованными здесь же над паром. Непременный атрибут домашних заготовок эмалированный тазик терпеливо дожидался, когда его заполнят свежей ягодой вперемешку с сахаром, чтобы приступить к привычному делу.

С улыбкой Лариса Алексеевна взяла у нас собранный урожай. Алёнка уже очищала длинные черешки ревеня.

Спустя некоторое время готовое горячее варенье волшебным образом оказалось в пол-литровых баночках. Я совершенно терпеливо ожидала, когда моя подруга освободится, ведь солнце на Амуре нас ждать было не намерено.

Лариса Алексеевна упаковывала баночки. Несколько дала Алёнке. К моему удивлению, одна из них причиталась и мне, что стало неожиданным приятным сюрпризом, так как помогала я ни на что не рассчитывая, и моя корысть заключалась лишь в том, чтобы поскорее справиться и убежать купаться. Да и я была уверена, что не заслужила и пол-литровой баночки.

Помню, с какой гордостью я рассказывала маме, передавая ей свеженькое малиново-ревневое варенье, как мы с Алёнкой и Ларисой Алексеевной его готовили. Для меня было такой честью заработать его личным трудом. Конечно, со стороны мои восторги выглядели забавно для взрослых и даже для Алёнки. Нужно ли отметить, что это было самым вкусным вареньем, отведанным мною за всю жизнь? Какой уж там Амур! Разве можно после столь ярких впечатлений просто так вернуться к серым будням детства? Понятно, что все домочадцы были просто обязаны попробовать честно заработанное мною варенье, так как я считала своим долгом поделиться со всеми членами семьи.

«Пустую посуду не возвращают», - мудро заметила мама, наливая молока в опустошённую за чаепитием и уже вымытую ёмкость из-под моего варенья. И я побежала через дорогу с наполненной до краёв молоком баночкой. Лариса Алексеевна с улыбкой поблагодарила, приняв продукт. Так мама научила меня платить добром за добро.

Немного о коровах

Что за жизнь нынче у детей – ни огорода тебе, ни коров – никаких развлечений. Сиди себе день-деньской пялься в экран гаджета или телевизора – тюрьма, да и только. А всего каких-то 20 лет назад мы с Ольгой – дочери свободы – босиком бегали по пыльным дорогам села, и, чтобы нам хоть раз было нечем заняться – такого не случалось, чтобы мы маялись со скуки – не было ни разу.

Как и все нормальные дети, по вечерам мы с Ольгой встречали коров. Родителям нашим недосуг заниматься такими мелочными делами, которые под силу даже младенцу, а нам – только в радость. Правда, у Ольги коровы чаще всего не было. Ну да ладно, мы вдвоём прекрасно встречали мою. Даже когда коровы к середине июня сами привыкали приходить со стадом домой, мы по привычке всё равно, как было заведено, ходили до трассы, ожидая бурёнок, возвращавшихся после своего долгого трудового дня с пастбища. Когда уж редкий животновод отправлялся навстречу с хозяйством так далеко, то и мы с Ольгой, в конце разленившись, добредали лишь до большого камня и там стояли, кормя комаров, слушая взрослые пересуды – в ожидании скотины всё равно заняться нечем.

Когда найдёт, мы отправлялись за коровами чуть ли не за пару часов до положенного времени, пользуясь тем, что пастухи не очень-то пунктуальны. За это время мы успевали как следует побеситься на лужайке, скрытой от пыльной дороги редким ивняком, набрать охапки жёлтых красоднегов и фиолетовых ирисов, ободрать все ноги о колючий шиповник, притаившийся в высокой траве. Доносящееся до нас коллективное мычание возвещает нам, что уже пора выбираться из этой цветущей сказки, и мы, прижимая букеты, несёмся вслед стаду, догоняя его у деревни. Кладём бережно руку на бок своим рогатым «подругам», нежно посматривая в их бездонные глаза, и идём так бок о бок до ворот.

Коровы идут спокойно и устало, увлекая за собой полчища паутов и мошки, из-за чего нервно обмахиваются хвостом. Из набухшего вымени струится молоко прямо на землю – коровка хочет доиться. Мы в самом сердце стада – здесь у каждого животного своё место. Традиционно первой идёт корова Петровых, за ней – Анохиных, следом – чёрно-пёстрая. Наша шла где-то в середине. В хвосте процессии плетётся молодняк. Замыкая шествие, на коне возвышается пастух, который может привести в послушание сотню голов КРС волшебным взмахом кнута, со свистом рассекающего воздух, и нескольких громких и чётких междометий, не совсем понятных людям, но так ласкающих слух вверенным ему животным. По пути мы озираем презрительным взглядом соседскую девчонку, которая

боится коров и спешит укрыться за калиткой, пока не минует стадо. Как же ей не повезло в жизни: у неё нет коровы!

Моя красная Звёздочка заходит во двор, а я не менее важно закрываю за ней ворота: коровка дома, душа спокойна. Пока она залпом выпивает ведро воды, приготовленное по случаю её возвращения, мама берёт блестящий подойник и идёт доить, а я сламываю веточку и поглаживаю ею Звёздочку, отгоняя насекомых, чтобы она стояла спокойно. Потом несём парное молоко сдавать на маслозавод, чтобы обменять на хлеб.

Иногда в нашу компанию юных животноводов вливалась ещё одна подруга – наша соседка Вера. Пока у большого камня тянулось томительное ожидание коров, мы затеяли такую забаву: одна из нас прячется в кустах, мы даём ей минуту форы, а потом – догоняем «беглеца». И так по очереди.

Веру мы нашли и догнали тут же. Она и далеко убежать не успела, а мы её уже «раскусили». С Ольгой было сложнее: что касается прятков в кустах – в этих вопросах она поопытнее, быстрее и ловчее в беге по неровным поверхностям. Но одолели мы и её. Настала моя очередь скрываться. Я бросилась со всех ног в ближайшую дубовую рощу, стараясь как можно рациональнее использовать время, отведённое для побега. Издалека до меня стали доноситься окрики подруг – они пытались меня найти. Одолевающий азарт гнал меня дальше. Добежав до Лобановского леса (так на местном наречии называлась роща, которой заканчивался переулочек Лесной, где на самом краю проживали Лобановы), я укрылась в огромной железяке от комбайна, лежавшей среди деревьев. Сидела там некоторое время, затаившись. Сердце, казалось, выпрыгнет из груди, его громкий стук выдаёт место моего укрытия. Думаю, вот-вот найдут меня, надо бежать. Далеко позади остались крики девчонок. Рада, что дольше всех продержалась в засаде. Представляю, как удивятся подруги, когда я, оббежав по кругу, зайду к ним в тыл, с той стороны, откуда они меньше всего меня ждут. Осуществляя свой новый дерзкий план, я неслась по переулку, выбежала на дорогу, преодолела поворот и внезапно оказалась в том месте, откуда началась захватывающая игра. Девчонки стояли, спокойно беседуя друг с другом. Они уже давно плюнули на поиски и даже забыли о начатой игре, нисколько не удивившись моему эффектному появлению. Они даже не представляли себе, как азарт погони захватывал меня, заставляя бежать быстрее, как с трудом я успокаивала своё бешеное сердцебиение. Когда поиски для них потеряли смысл, они их просто бросили. Эх, слабаки! А вот, кстати, и стадо...

Бывали дни, когда коровы были в отпуску и на пастбище не ходили. Тогда приходилось носить им траву. Мы с мамой ходили за оной с мешком, который набивали до отказа на ближайших лужках. Я и одна ходила, когда мама вдруг была занята, с сумкой, куда нарезала траву, да ещё одну охапку заодно приносила, завернув её в кофту. Бывало, по утру ходила на разведку искать новые места с «вкусной» травой. А скотине-то что – стой у кормушки, да жуй!

Но есть в коровах один недостаток: ближе к осени они вдруг напрочь забывают дорогу до родных ворот, и нам снова приходится встречать своих красавиц на трассе. Незримая нить, связующая бурёнку с уютным сараем и

деревянной кормушкой, резко обрывается, и каждый день после пастбища коровы разбредаются в поисках приключений, которые находятся в самых неожиданных местах. Вот тогда-то и начинается настоящее веселье.

Если возвращающееся с пастбища стадо в этот день не содержит твоей коровы, надо отправляться на поиски. По пути расспрашиваешь счастливиц, которые идут навстречу вместе со своей потеряшкой, на предмет местонахождения коровьей группы, отделившейся от коллектива. Хорошо, если это поле за КЗСэм, перед кладбищем. Ольга пообещала быть со мной до конца, но предательски расплакалась и убежала домой, когда необходимо было пересечь полосу деревьев, отделявших поле от зернового двора. Одной же наставлять резвящуюся корову на путь истинный было нелегко. Она просто не хотела домой. Её биологические часы показывали, что ещё рано возвращаться, трава на колхозном поле определённо вкуснее, а тот факт, что дело к закату, а мы с ней около кладбища, и до дому полкилометра, её мало заботил. Тем более её подружки тоже никуда не торопились, и Звёздочка делала вид, будто решительно меня не знает. Мои усилия отделить строптивицу от банды и завернуть по направлению к родным пенатам заканчивались постоянно тем, что мы пробегали огромный круг диаметра, равного ширине всего поля, и возвращались к «подругам», невозмутимо щипавшим травку. Не знаю, почему в детстве я имела по физкультуре четвёрку. Думаю, что за этот челночный бег по кругу я бы точно получила золотую олимпийскую медаль. Корова была неумолима в своём твёрдом намерении остаться здесь. Где то покладистое, преисполненное чувством собственного достоинства животное, с которым мы всё лето ходили, обнявшись, как старые добрые друзья?! Как знакомо мне это чувство предательства!

Плачу от бессилия и обиды. Но как без хозяйства вернуться домой? Не бросаю своих попыток. Наконец-таки в моей корове просыпается что-то человеческое, и она следует, куда надо, словно ни в чём ни бывало, нисколько себя не коря. Почти около калитки её снова кусает бешеная муха, и скотина несётся, как ошпаренная, мимо родных ворот, словно их и никогда не существовало. Я бегу за ней, на лету вспоминая самые нехорошие слова, какие мне могли прийти в голову в 11 лет. Чувствую, что эта коровья необузданность мне больше не по силам. Она, определённо, издевалась надо мной, посмеиваясь в втихушку. В то время, когда ветреность моего питомца перешла границы терпения, к счастью по дороге навстречу шёл мой взрослый двоюродный брат Генка со своим товарищем. Он взял «быка за рога» в прямом смысле, развернул лицом к дому, а товарищ, встав сбоку, помог корове не потерять направление. Так и проводили капризулю до ворот.

Вот кому расскажи – посмеются, да и только. А тебе в 11 лет это казалось подвигом: таки привела домой, чего бы это не стоило.

А в середине осени коровки уже не мелочились - разделялись на фракции и по недосмотру уставшего пастуха или в виду его отсутствия на рабочем месте, разбредались в самостоятельные далёкие путешествия. До хозяев, естественно, ни весточки от них не доходило, а только смутные слухи, что, мол, видели несколько коров, и ваша, вроде была среди них, на поле в

сторону Покровки или на тимофеевке. На дальние расстояния, конечно, ходили мы с мамой вдвоём. Тем более, я и не знала, где произрастает этот злак.

Идём промозглым вечером, пальцы от дождя и ветра заоченели. Смеркается. И действительно, на поле видим банду коров, вглядываемся, нет ли среди них и нашей. Подходим ближе и точно: вот она, наша. Звёздочка, завидев хозяев, вспомнила, что ей уже пора и, распрощавшись с подружками, побрела с нами домой. Видимо, корова уж нагулялась на свежем воздухе и только и ждала, чтобы за ней пришли.

А то как-то два наших молодых бычка убежали в неизвестном направлении. Пошла искать их на ферме почему-то. Прихожу туда – а они в загоне среди прочего молодняка – как там и были: стоят, жвачку нажёвывают. Как они там оказались в закрытом загоне – до сих пор загадка. Захожу туда – грязь, тону по щиколотку, тапочки слетают с ног. Та ещё задача: как своих выпустить, а местных в загоне оставить, чтобы тоже на волю не выбрались? Охрипшим голосом выкрикиваю клички – не обращают внимания. Бегаю от одного к другому, погоняю – в общем, как за двумя зайцами... Посмеявшись над моими тщетными усилиями всласть, телята извоили повиноваться, и мы выбрались с чужой территории. Загон я в спешке закрыла, как могла, и помчалась за телятами, чтобы они ненароком в какой чужой огород не забрели – ума-то у них...

Да уж, с этими коровами не соскучишься. Ушла я искать в очередной раз сбежавшую со стада нашу Июльку. Её я знала ещё телёнком, когда она на шатких ножках познавала мир, обнюхивая всё вокруг влажным розовым носом. Она приходилась дочерью нашей Звёздочке.

Кое-как нашла Июльку на тимофеевке и веду домой. Уже в деревне в начале Рязанской улицы со всей дури несутся на меня одноклассница Настя со своими подругами – побешеней коровы выглядят. И ну ради смеха мою Июльку гонять. Она, стремясь укрыться от ненормальных детей, сломя голову ринулась в сторону – а там чей-то огород, огороженный колючей проволокой. Бедняжка ободрала себе бок, мечется то назад, то вперёд, не зная, куда ей ломануться – куда ни сунься – там орут, гонят её себе на потеху. А я – за ней ношусь, пытаюсь направить её по дороге домой, быстрее миновать проклятый участок, тем самым ещё более веселя окружающих. Но Настя не унималась. Она не давала корове прохода, даже тогда, когда её товарищи, удовлетворённые дивной травлей и злорадным весельем, разбежались по своим делам. Наконец-то и ей надоело. Удаляясь восвояси, она крикнула мне вслед грубо, словно заправский хулиган: «Ты не води больше по моей улице коров!»

Оставшуюся часть пути я шла, рыдая от перенесённого шока, а Июлька перебирала копытами на удивление спокойно. Как быстро эти благородные животные забывают обиды! Есть чему поучиться.

Об Амуре с любовью

Что вы знаете об Амуре?

Скажете, наверняка, что Амур – могучая приграничная река, берущая своё начало в Забайкалье от слияния Шилки и Аргуни и впадающая в Охотское море, разделяя при этом Россию и Китай. И только-то. Рождённые на Амуре знают намного больше.

Амур – это не просто река. Это друг, который сопровождал нас, наших родителей и теперь уже новое поколение ребятишек на протяжении всего безоблачного детства. Просыпаясь от зимнего сна подо льдом, он проводил с нами всё тёплое время года. Из него получался неплохой товарищ для игр, потому что имел он характер спокойный и плавный, хотя был достаточно серьёзным и в меру строгим. Редкий родитель опасался отпустить своего малого ребёнка на берег к приятелю. Амур научил нас плавать, нырять, закалял нас попеременно водой, солнцем и горячим песком. Он выращивал для нас на своём крутом берегу самую вкусную черёмуху, да такую рясную, и если ты не боишься обжечь ноги раскалённым песком, то после купания можешь подняться к деревьям и насладиться сладким вкусом чёрной ягоды.

Когда наши родители были детьми, Амур и тогда был необходим людям. По нему сплавляли лес. В нём полоскали бельё. В воду ставили деревянные бочки, чтобы те разбухали. По нему ходили грузовые и пассажирские суда, а поэтому на берегу стояли створы – ориентир для кораблей. Рассказывали, что когда-то была на Амуре эстакада, к которой причаливал водный транспорт. Сейчас от неё остались лишь бетонные полуразрушенные конструкции, да полусгнившие брёвна.

К берегу приставали баржи с углём, и большие подъёмные краны сутками разгружали их прямо на песок, оставляя после своей работы огромные чёрные горы.

Как старший товарищ по играм, Амур был осторожен с ребятишкой, поэтому дно имел песочно-каменистое, галечное, ровное, с постепенным уклоном к фарватеру, без резких перепадов, неожиданных ям, обладая при этом спокойным течением, без всяких там воронок и прочих завихрений. Прогревался ближе к середине лета, равномерно. Его воды, словно парное молоко, приятно обволакивали тело. Понятно, что ребятишки не желали вылезать из амурских вод, даже, когда их кожа и губы отливали синеватым оттенком.

Мы с Ольгой снисходительно посматривали на взрослых, которые не решались резко окунуться в волну, стоя по пояс и обмывая себя водой, постепенно привыкая к ней. Мы же с самого начала спуска скидывали с себя юбки, оставаясь в зелёных (непременно зелёных) купальниках и с разбега ныряли в заждавшиеся нас воды реки, поднимая брызги и создавая волны. Других способов погружения в воду мы категорически не признавали. Когда редкая баржа разрезала Амур по фарватеру, мы с Ольгой бросались в воду «ловить волны». Они достигали берега большими буграми, мягко покачивая нас, после чего разбивались в пену о прибрежную гальку. Одна волна сменяла другую, перекачиваясь, они мельчали, пока река не успокаивалась совершенно.

Амур целыми днями присматривал за нами. На берегу мы с Ольгой сочиняли собственные игры: сидя на гальке очерчивали пальцем небольшой кружок, загадывали в нём какой-либо камень, а оппонент должен был отгадать. Потом менялись. Амур всегда придумывал, чем нас развлечь. Домой мы притаскивали полные карманы-кепки-шляпы-горсти камней, после чего у меня на крыше сарая, где хранили коллекцию, разглядывали «драгоценности».

Мы слышали, что запрещалось заплывать дальше 25 метров от берега. Кто эти люди, что плавают исключительно с рулеткой, мы не знали, а чёткостью глазомера не отличались, поэтому могли заплывать довольно далеко, то и дело меряя дно, ныряя «по ручки», «с ручками» и «не достал дна». Удовлетворившись таким образом достигнутой глубиной, мы плыли с полкилометра по течению, причаливали к берегу и шли обратно к своим вещам по горячим камням и под обжигающим солнцем.

Была у меня мечта доплыть до косы, которая разрезала продолговатым клином воды Амура почти по середине реки. С берега мы часто наблюдали, как бесстрашные мальчишки бежали по ней. Но не то страшило меня, что коса далеко. Говорили, что тех, кто нарушал установленный запрет, отправляли в наказание на заставу чистить картошку. Лично этих провинившихся я не знала, но такая перспектива меня останавливала. Кто его знает, авось поймают и, правда, накажут. Так что мечта так и осталась мечтой.

Ветреным маем мы со старшей сестрой каждый день наведывались к Амуру в гости погулять по берегу, обдуваемому ветром. Он был тогда больно высок. На песке в кустах я нашла кем-то забытый самодельный деревянный кораблик. Играла с ним, а когда уходили домой, то оставляла его в тех же кустах. Однажды я пришла на речку, а кораблика не обнаружила: Амур поднялся, затопил тальник и унёс мой кораблик.

Бывал наш исполин и не в настроении, когда чёрная туча, надвигаясь с Китая, заволакивала солнце. Тогда строгий Амур сменял зеркальную гладь мелкой рябью, которую золотили последние солнечные лучи, смело

проглядывавшие из-за грозной тучи. Туча хмурилась, чернела, пока полностью не скрывала собою свет, Амур же в ответ сильнее волновался, беспощадно разбивая о берег сотни волн и перекатов. Тогда воды его, обычно лазорево-голубые, менялись на глазах, становясь сурово-свинцовыми, и совсем темнели, когда частые капли дождя падали на поверхность, тем самым создавая иллюзию бурления реки. В непогоду Амур словно старался оправдывать своё китайское прозвище – «Чёрный дракон».

Амур важничал, так как ввиду своего приграничного положения имел ограждение из колючей проволоки, всеми именовавшееся просто «системой». Селяне попадали за систему, то есть на берег реки, через калитки, которые открывались пограничниками в летний период в светлое время суток. В неположенное время в неположенном месте пограничная зона не допускала вторжений на свою территорию. Вдоль системы пропахивали КСП, чтобы были заметны любые следы. Калитки было три в черте нашего села, расставлены на одинаковом расстоянии друг от друга: возле Куприяновых, за магазином и напротив Тиссенев. Мы же ходили преимущественно через ту, что за магазином (того магазина больше нет, Куприяновы переехали, лишь Тиссены с завидным постоянством проживают там же).

Нашему общению с Амуром данный фактор не препятствовал, так как система для нас была столь же привычна, как и сама река. Но иногда из-за неё случались неожиданные курьёзные приключения.

В конце весны, когда калитки только начали открывать для населения, мы с моей племянницей Женькой решили безобидно прогуляться по бережку – ведь за зиму я страсть как соскучилась по Амuru. И шли мы, шли от куприяновской до следующей калитки. По пути играли в песке, бросали камушки в воду, бегали в догонялки. Солнце было ещё достаточно высоко, когда мы подошли к выходу. Но калитка, почему-то, оказалась на замке. Я – в плач, Женька – в рёв (ей было-то лет пять-шесть, а я года на четыре старше). Сразу так сильно захотелось к маме. На наше счастье у берега как раз стоял небольшой корабль «Гриф». Подобные судна часто приставали здесь к берегу, стояли несколько дней, а потом уходили дальше по Амuru, оставляя после себя на месте стоянки огромные ямы на дне реки. Капитан «Грифа» увидел двух плачущих у калитки девчонок, сошёл по трапу с корабля, поднялся к нам, сочувственно поинтересовался очевидной причиной нашего горя. Попытался нас успокоить, потом сообщил что-то по радиации, как видно, на заставу, и находился с нами до тех пор, пока не пришли двое пограничников с овчаркой и не выпустили нас на волю. А Женька, увидев здоровую собаку, которая к тому же оглушительно на нас залаяла, ещё пуще заревела. Я уж на силу её успокоила, как только высушила собственные слёзы.

А вот и ещё одна похожая история. После долгого трудового дня, который выдался к тому же жарким, как и любой другой июльский день, мама разрешила мне сбегать на Амур искупаться. Я и помчалась через стадион, на речку. Поплавала, поныряла, пообсохла и засобиравалась домой. Дело к вечеру, да и грозная туча, что свинцовой массой нависла над Китаем, не предвещая ничего хорошего и для нас, подгоняла меня. На пляже

я была не одна. Неподалёку, на большом покрывале, отдыхала весёлая компания молодёжи. Кажется, их мало заботила тяжёлая надвигающаяся туча и солнце, заторопившееся к закату. Они шутили между собой, громко смеялись, скорее всего, ничего не замечая вокруг. Не особо разделяя праздной беспечности в тот момент, я торопилась домой. Подойдя к системе, обнаружила, что калитка закрыта! Да-да! Здоровая цепь обвивала столб и крайнюю доску ворот, её звенья замыкались большим навесным замком. Меня интересовали два вопроса: как пограничники не заметили большой шумной компании на берегу, закрывая калитку, и как мне отсюда выбираться.

Пока я ломала голову над этими проблемами, а более всего меня интересовала вторая, и на тот момент снова не придумала ничего лучше, как поплакать, из-за кустов, со стадиона показалась моя старшая сестра.

- Ты что плачешь? А, калитка закрыта – догадалась она.

- А ты зачем пришла? – у меня появился новый интересующий меня вопрос. Больше всего мне хотелось к маме.

- Видишь, туча какая. Меня мама за тобой отправила, ведь сама-то ты не догадаешься домой пойти.

Мне было приятно, что я и сама догадалась на этот раз, но это не особо помогало делу.

Наташа предложила мне идти вдоль системы до самой заставы. Я, всхлипывая, отказалась наотрез. Она самоотверженно решилась идти со мной по ту сторону колючки. Больше вариантов у нас не было.

Хвала сообразительным людям, которые неожиданно удачно встречаются на нашем жизненном пути. Случайно на велосипеде проезжал деревенский паренёк Сашка. Он быстро проник в суть дела и вызволил меня из заточения очень просто: приоткрыл калитку, насколько цепь позволяла, и я без труда пролезла в эту щель. Судьба весёлой компании, остававшейся на берегу, осталась для меня неизвестной.

И вот уже совсем курьёзная история о том же самом. Как и обычно, выходной день (а летом все дни – выходные!) я проводила на берегу Амура. В тот день на пляже народу было – нет места для падающего яблока. Мои многочисленные родственники (двоюродные сёстры и братья) собрались в этот чудный день шумной толпой у воды. То был день молодёжи. Я любила и уважала свою родню. Только они могли так остроумно шутить, так бескорыстно помогать, так беззаботно веселиться, собираясь все вместе. Моя сестра Ольга, увидев меня, позвала присоединиться к их компании. Не могла же она оставить сестру, хоть и младшую, в стороне. Мы ели мороженное, смеялись, купались, бесились, веселились – праздник, да и только. Братья и сёстры были уже взрослыми, поэтому не могли позволить себе беспечное веселье до позднего вечера, поэтому мы свернулись и пошли на выход – по домам. Толпа моих родственников хором изумилась, остановившись у закрытой на замок калитки. На сей раз мне было не так страшно, ведь я не одна – со мной моя родня, а вместе мы – сила. Ольга не стеснялась в своих возмущениях по поводу пограничного чувства юмора, другие же проводили «мозговой штурм», ища способ выбраться на свободу. Варианты были один абсурднее другого, я рассказывала свой опыт преодоления предательски

закрытых ворот, но ничего из этого не годилось. Тогда Ольга нашла кем-то брошенную на КСП палочку от эскимо, засунула её в замочную скважину, повернула, и ко всеобщему удивлению, калитка открылась. Таким образом, мы не только сами вышли на волю, но и «спасли» многочисленных, ничего не подозревавших любителей пляжного досуга. «Граница на замке!» - долго смеялись мы.

Песчаный берег реки порос травой и кустами. Теперь почему-то там меньше народу. Видно, что Амуру стало одиноко. Он чаще стал хмуриться и регулярно разливаться. Он снится нам, рождённым на Амуре, таким, каким был раньше.

О важности мячика в жизни ребёнка

Устав от долгой зимы, как только сходил последний снег, мы допоздна играли на улице во дворе, пока чья-нибудь мама не разгонит нас по домам. Рисовали классики, каких знали немалое разнообразие. Когда они надоедали нам, придумывали ещё какие-то игры на данную тему.

Постепенно теплело, и вот уже скакалки переставали замерзать на улице и ломаться. Мы с Ольгой были чемпионами по «десяткам» на скакалке, и, когда мы в совершенстве овладели всеми видами прыжков с данным спортивным инвентарём, играть в эту незамысловатую игру стало просто не интересно: каждая из нас проходила все уровни, ни разу «не пропадая». Счёт прыжкам шёл уже не на десятки, а на сотни. Чтобы не останавливаться на достигнутом и развивать навыки, мы придумали устраивать соревнования по прыжкам на скакалке в различной технике, вели даже журнал достижений, определяли первое, второе и третье место. Привлекали к соревнованиям желающих, но всех наших соперников, как каких-то младенцев, мы оставляли далеко позади. С Ольгой же шли «ноздря в ноздрю» - наши силы и выносливость были примерно равны. Так что это развлечение постепенно нам тоже надоедало.

Если со скакалкой можно придумать несколько игр, то с мячом – сотни. Фантазии нам не занимать. Но мы не имели мяча, даже малюсенького, крохотного – никакого у нас не было. У Веры – соседки, Ольгиной одноклассницы, было много резиновых мячей всевозможных размеров и расцветок. А у нас ни одного. Она выходила с одним каким-нибудь ярким, самым большим мячиком, демонстративно в гордом одиночестве играла в «десятки» от стенки, потом ей надоедало, она выносила другой, поменьше и так далее, пока не заканчивались все её запасы. Иногда она позволяла нам играть с ней. Но игры заканчивались внезапно: если девочка начинала проигрывать или мы не хотели играть по её выдуманным правилам, то она забирала мяч и резко, обиженная, уходила домой.

Как несправедлива порой бывает жизнь: 4 мяча на одного, не понимающего всей их ценности ребёнка, и ни одного самого захудаленького на двоих, нуждающихся больше всех в скачущем друге.

Мама как-то купила мне мячик. Он был маленьким сине-красным. Всё лето, начиная с весны, мы с Ольгой с ним не расставались. Осенью он стал плохо прыгать и лениво отскакивать – наверное, слегка сдулся. А потом и

вовсе куда-то запропастился. И снова мы остались без мяча – две одиноких души, жалко блуждающих по бренному миру огорчений детства.

Как-то полуденным зноем шли мы с Ольгой по Рязанской. За поворотом, рядом с дорогой, большая лужа, а в ней лежит резиновый мяч среднего размера. «Дырявый, наверное, сдуся – вот и выкинули», предполагает Ольга. «А вдруг – нет. Давай посмотрим», - надеюсь я, направляясь к мячу. Ради такого не жаль и ноги вымочить. Поднимаем – кажись, вмятина. Да нет же, целый! Абсолютно! Старенький, конечно, выцветший весь, но целый, упругий, прыгающий!!! Один его бочок был когда-то красным, а второй – зелёным, а по экватору – белая полоска. Вот счастье то! Вот удача, так удача!

Я его приютила у себя. Совесть за присвоение общей находки меня не грызла: Оля бережливостью не отличалась, а я не могла позволить снова расстаться с долгожданным другом. Никакого лишения подруга бы не испытала, ведь не могла же я в одного играть в мяч! Этак он и вовсе не нужен! Да и знала она, что мои игрушки – её игрушки, ведь я делилась всем, что имела.

Что за жизнь у нас началась – просто чудо-жизнь! Куда бы мы не шли – в магазин ли, на речку ли, за коровами ли – повсюду мы брали свой замечательный, самый любимый мяч! Не могли же мы оставить его в одиночестве! Та сотня игр не иссякала, оказалось, что мяч помогал воплощать их из воображения в реальный интересный мир.

Всё то счастливое лето продолжалась наша с мячом взаимная привязанность и симпатия, пока не случилось непоправимое. В тот злополучный вечер, когда коровы были вовсю дома, вечерний удой отнесён родителями на маслозавод, чтобы быть обмененным на хлеб, мы с Ольгой как раз и отправились туда ждать машину с батонами и булками. Ожидание хлеба было всегда долгим и утомительным. Для всех, у кого нет мяча. Мы же неутомонно играли в «десятки» от кирпичной стенки полуразваленной, заброшенной двухэтажной котельной.

«Если бросишь в окно, то он упадёт сверху вниз, и мы его сможем поймать изнутри здания», - ради забавы предложила Оля, указывая на оконный проём на втором этаже. Я привыкла доверять словам подруги и без сомнений поддержала затею, которая показалась мне интересной. И бросила мяч туда. Могла не попасть, но я попала. Он не вернулся. Он остался лежать на втором этаже. «Я пошутила, - попыталась оправдаться Ольга, – там есть пол».

Какая жестокая шутка. Сами достать мы его не могли – на второй этаж никак не забраться снаружи. Здание заброшено, никто бы не позволил. Да и кому из взрослых есть дело доставать детскую игрушку, пусть она даже дороже всех игрушек на свете! Я плакала.

Ольга всегда убегала, когда совершала мало-мальскую подлость. Крикнула мне, оглядываясь: «Я своих братьев попрошу, они залезут туда и достанут мяч! Я его себе заберу! Он будет моим!»

И не было больше у нас мяча.

Сейчас у меня в саду в траве лежит большой зелёный мячик, брошенный там моими детьми. Лёгкий, яркий и даже с улыбкой. Но никому

не нужен. Другой – волейбольный – сдулся от скуки в корзине с игрушками. А третий, самый новенький, маленький, миленький, жёлто-розовенький – пропал где-то за ненадобностью... Дети, почему-то не играют с ними.

А мой самый лучший мяч, может, всё там же лежит и меня дожидается?

Рассказы дальневосточника

Ночь страха

Было нам лет по пятнадцать. С чего мы с Пахой решили пойти на Гусиное озеро? Пошли туда с ночёвкой. От дома километров семь. Ночёвка на природе для нас это была не первая, поэтому в данном деле мы уже кой-чего понимали. Одним тёплым июльским днём сложили брезентовую синюю палатку, снарядили удочки и отправились на Гусиное. Затаборились на берегу, чего-то нарыбачили, поставили палатку, разожгли костёр, поужинали и легли спать. А палатка отсырела из-за тумана, так волгло лежать. Крутились-крутились – не спалось. И вот ночь. Только мы начали засыпать, как вдали начало что-то выть протяжно и жутко: «У-у-у-у!» Начали мы гадать: может волки? Да нет, не волки, но точно какой-то зверь!

Низкое гудение раздавалось сначала издалека, а потом всё ближе, ближе, ближе... Мы стали вспоминать, на что похож этот звук. Лось! Точно лось! Он же нас сейчас затопчет – воет уже совсем рядом, несётся прямо на нас с невероятной быстротой! Мы вышли из палатки, разожгли костёр посильнее. Звук пронёсся стороной и затих вдали. Беда миновала. Мы успокоились и легли спать.

Наутро, порыбачив, собрались и пошли домой, попутно разбирая ночное происшествие. А дома тоже стали выпытывать у бывалых охотников, и лишь укрепились в своих предположениях: нам чудом удалось избежать встречи с разъярённым животным.

Уже после, когда я стал работать в заповеднике, узнал, что обладатель данного жуткого голоса есть амурский волчок – выпь. Но тогда, в тёмной сырой палатке мы с другом, на пару трясаясь, и предположить не могли, что птица сродни цапли могла нас настолько напугать.

Памяти Геннадия Ивановича

Наш трудовик часто рассказывал нам про одно чудо-озеро – какие небывалые уловы он привозил оттуда. Так как все от мала до велика Геннадия Ивановича называли в шутку Гондурасом, то и данный географический объект, часто упоминаемый учителем, мы с Пахой быстро окрестили в честь трудовика – Гондурасовским. Конечно, загорелись непременно сходить туда на летних каникулах. Вызнали, как до него добраться и собрались в путь. Прошли Ганукан, озёра Пилинские, Жуковское, потом вдоль кромки Цветочного добрались до петляющей по лугу дороги, огибавшей соевые поля. Красота вокруг – цветочки цветут, птички поют, солнышко светит. И вот оно – то чудо-озеро.

Наудили гальянов, ротанчиков и, счастливые, отправились домой. Решили путь сократить и не идти по дороге, а сразу напрямки к трассе. Что нам юным да смелым – и море по колено! Взяли курс на две сопки-близняшки, что на том берегу Амура, в Китае и, не теряя их из виду, пошли, не сворачивая. Если они вдруг начинали перекрывать одна другую, значит мы идём неверно и взяли немного в сторону: надо выровняться. А путь, хоть и прямой, но тяжёлый: трава по пояс, пауты, жарница. Рыба давно протухла. Впереди дерево раскидистое. Залезли на него, чтобы осмотреть окрестности:

ну куда же нам идти? Видим: неподалёку стадо коров. Тут-то сразу определили место: впереди озеро Цветочное, а там и до дороги недалеко. Повалили через кусты, вышли на дорогу. А ноги – в болотниках – устали до невозможности, вспотели, что насквозь промокли. Сняли обувь, прошли немного босиком. Ноги ещё больше заболели от острых камней. Плюнули мы, обули сапоги и пошли дальше. Вышли на трассу, ноги убитые, сами измождённые. А тут тарыхтит «Белорус» с тележкой. А это оказался Димка. Останавливается, спрашивает:

- Пацаны, а вы чё здесь?

- Да мы вот на рыбалке были! – показываем важно улов.

- Прыгайте в телегу, я вас домой подкину!

Мы, такие счастливые, в телегу залезли, а там – солома, мягонько. «Димка – наш спаситель!» - не могли нарадоваться мы. Довёз нас до деревни:

- Привет братьям! – крикнул он напоследок.

Так мы с Пахой побывали на Гондурасовском озере. В итоге я узнал, что настоящее название этого озера – Утиное. Оно оказалось не столь поэтичным, как наше.

Весенняя охота

Я любил гулять с ружьём. Часто ходил на природу. Стрелял в карьерах по мишеням. С дичью мне особо не везло.

Как-то по весне отправился я на Ганукан попытать счастья – на уток. Все домашние вечером смотрят телевизор, а я, как бы между делом, снарядил одностволочку и дробь и отправился на охоту.

По весне вечером прохладно, я и оделся потеплее. Вышел на Ганукан. Вижу, по реке плывёт стая уток. Как же к ним подобраться? Ганукан весь петляет, по берегам полёгшая прошлогодняя трава открывает мне хороший обзор. Думаю, надо ползти. Они сейчас выплывут из-за поворота, а я с другой стороны оббежал, низко пригнулся, а потом начал подползать к кромке воды. Но не получилось: они меня заметили, с криками взлетели и, описав в воздухе круг, сели на своё же место. Я ждал их, зная утиную привычку «путать следы» и возвращаться на то же место. Сели они чуть дальше. А чтобы добраться до них, требовалось перейти в брод. Ганукан на ту пору был узок и мелок, как и всегда весной: лёд сошёл пару недель назад, болота ещё не растаяли – воды немного. Захожу в воду, думаю: как хорошо, вода не выше колена, дошёл уж почти до середины. Ещё чуть-чуть, и я перепрыгну на тот берег, не намочивши ног! Не тут-то было! Не успел дойти до середины, а подо мной вдруг всё стало скользко, я потерял равновесие и давай падать. Хорошо ещё, что упал не назад, а вперёд, упёршись руками в противоположный берег. Схватился за кочки, вытянул себя руками на траву. Лежу на спине, мокрый по грудь. Ноги свело, грудь сдавило, не могу отдышаться. В руках сжимаю ружьё. Но охотничий азарт из меня не выбить ледяной апрельской водой! Я не встаю, чтобы не вспугнуть добычу, перевернувшись на живот, ползу, мокрый, к уткам, преодолевая дрожь. Знаю, они там, за поворотом, ждут своего охотника. Ползу-ползу, несмотря на жуткий холод, сковывавший тело. По моим расчётам птицы должны были

вот-вот выплыть прямо на меня. Вот уже выставил ружьё на изготовку... Они выплывают из-за поворота, выглядывают... А стрелять ещё далековато. И как они только меня разглядели?! Взлетают, шлёпая остроконечными крыльями по туловищам, весело хохоча в полёте! Я выстрелил им на прощанье в след, но, конечно, ни одна моя дробь не долетела до адресата.

Что ж делать? Я встал, уныло выжал носки и штаны, вылил из сапог гануканскую талую воду, ещё раз порадовался за уток и побрёл печально домой. Пришёл в деревню, когда уже совсем стемнело. В следующий раз повезёт непременно: мне или уткам!

Заветная мечта

Было мне лет семь, когда впервые до моего детского слуха однажды донеслось чудесное, сказочное название «Синегорье». Так местные жители окрестных сёл привыкли называть холмы Богучанского хребта, куда зимой колхозники ездили заготавливать дрова. Такое диковинное название это место получило потому, что с Гануканского моста в ясную погоду, когда небо было чистым, те сопки выглядели не зелёными, как все приличные сопки, а голубыми из-за покрывавшей их слабой синеватой дымки. Дорога к Синегорью была преодолима лишь зимой, так как представляла собой редколесья, мари, редкие озёра, пойменные луга, труднопроходимые в тёплое время года. Отец с моим дядей Володи, на время взяв «К-700», посадив туда моих старших братьев, отправлялся за дровами к подножью этих сопки. Неописуемо чувство моего разочарования, когда они весёлой компанией уезжали в Синегорье, а я оставался их ждать дома с мамой – ведь детям в лесу не место! Время ожидания тянулось невероятно долго. Выезжали рано утром в сопки, а к вечеру, гружёные дровами, уже по темноте, держали курс на звезду, ведь другие ориентиры были недоступны глазу. Путники приезжали уставшие и счастливые, рассказывали, что видели там косуль, зайцев и множество следов разного зверья – кабана, изюбря, чем ещё более подогревали мой интерес к Синегорью – месту столь недостижимому для меня, столь сказочному.

На самом деле эти сопки были небольшими, но для меня в то время они казались просто грандиозными и величественными, маняще привлекательными. В свои детские годы я повидал архаринские, приморские сопки, но отправиться в неведомое Синегорье стало для меня заветной мечтой, об этом я грезил всё своё детство. Они казались такими далёкими – по моему детскому представлению до них было километров сто. С каждым годом я становился старше, с каждым годом моя мечта добраться до Синегорья только крепла.

С моим товарищем, другом детства Пахой, мы часто ходили в дальние походы – и однодневные, и с ночёвкой. Привычным делом для нас было отправиться на рыбалку за Ганукан, за поля на озёра. Постепенно тренировали выносливость и смелость, закаляли себя расстояниями.

По окончании 10 класса, когда мы стали на порядок взрослее и выносливее, у нас даже появились ружьишки, и моя мечта, которая стала к тому времени мечтой на двоих, приблизилась. Мы запланировали её осуществление на летние каникулы. Готовились основательно, но решили обойтись в походе минимумом, так как идти далеко. Даже палатку брать не стали. Присмотрели себе походные рюкзаки, снарядились патронами, ножами, спичками, припасли еды (хлеб-соль, сало, огурцы – всё самое необходимое), проверили оружие, взяли компас, оповестили родителей, что собираемся довольно далеко. Одним ранним-ранним утром, лишь забрезжил рассвет, мы, только проснувшись, одели на спину свои рюкзаки, перекинули через плечо ружья и отправились в неблизкий путь.

И так мы шли-шли по хорошо изученным нами когда-то дорогам, пока не добрались до дальних озёр (озеро Павловичево, напоминающее очертаниями квадрат), дальше которых никогда не бывали. Здесь пролегла грань между знакомыми нам с детства просторами и ещё неведомой далью. В густой осиновой рёлке неподалёку мы наткнулись на заброшенные стол и две лавочки, сколоченные когда-то старательным пасечником. Выглядели они ветхими, вокруг всё заросло травой, кустами, серые стволы осины напирали на покосившиеся брёвна и рассохшиеся доски. Мы присели за этот стол перекусить и попрощаться с «домашним уютом» исхоженных дорог перед тем, как ступить в неизвестность.

После привала отправились в путь, миновали дальние озёра. За ними перед нашими взорами открылось бескрайнее пространство – то были луга, называемые, как я узнал в дальнейшем, «прериями» Архаринской низменности. Сколько мог охватить взгляд – на несколько километров направо и налево простиралась эта равнина, зелёную гладь которой не нарушало ни одно деревце, ни один холм. Только на горизонте чернело несколько рёлок, и в просветах между ними, далеко-далеко виднелись заветные сопки. Обученные по книгам по выживанию пользоваться

компасом мы взяли за ориентир дерево вдали и пошли по азимуту по направлению к Синегорью.

Пересекая огромную падь, мы наткнулись на широкий след вездехода – примятая трава делала его заметным на протяжении нескольких километров. Решили идти по следу. Непрерывно колеблющаяся под ногами почва вызывала ощущение, что мы идём по гигантскому травяному матрасу, брошенному в воду неосторожным великаном. Возможно, мы пересекали большущее озеро, заросшее сотни лет назад. Преодолевая сплавину, мы попеременно проваливались в воду, из-за чего все ноги оказались мокрыми. Ружья пришлось держать в руках перед собой, чтобы при необходимости с помощью них выбраться из болота. Мы стойко переносили июньский зной, палящее солнце и тучи гнуса и паутов, преследовавших нас весь путь. Миновали полукилометровую падь, пересекали заросшие дороги, изредка использовавшиеся рыбаками да охотниками. Одна из таких дорог, не имея ни конца, ни края, разрезала поле прямой лентой, протянувшейся от горизонта до горизонта. Прямо посреди неё росла здоровая ива, обхватить которую мы даже вдвоём не смогли обхватить. Здесь мы сделали привал, отдохнув в её тени. Забравшись на упругие тяжёлые ветви, сквозь зелёный ажур тонких листьев мы наблюдали голубой простор ясного летнего неба. Я бесечно наслаждался прохладой лёгкого прикосновения ветерка, нежно шелестящего кроной, а Паха вырезал на мощной ветви имена двух друзей детства, которые ради своей мечты так отважно преодолевают выпавшие им испытания. Это дерево сразу стало нашей ивой.

Минуло немало лет. Стоит ли на заброшенной дороге то необхватное дерево? Не сгорело ли оно в пламени лесного пожара? Можно ли сквозь годы прочесть ту надпись на его ветви?

Оставляя позади рёлки, пересекая пади, луга, поля, так мы и шли по азимуту, пока в какой-то момент не потеряли свой ориентир. Ничуть не расстроившись по этому поводу, решили следовать наугад, тем более синие сопки казались так близки – рукой подать, что ещё более укрепляло в нас желание поскорее добраться до них. По пути мы уж насмотрелись на следы косуль и кабанов, даже опасались повстречать медведя. Многочисленные звериные тропы пересекали наш путь. Когда солнце далеко оставило место своего полуденного пребывания, мы добрались до какой-то реки. Как выяснилось позже то был Урил. Берег крутой, плотно зарос тальником, покрыт кочками, вода несётся, у берега дна не достать и длинной палкой. Как быть? Не перейдешь – глубоко. Переплывать тоже опасно: течение сильное, вода ледяная, да и вещи все вымокнут. А на той стороне, уже километрах в двух, практически на расстоянии вытянутой руки, те самые сопки. Так близко они ещё никогда не были. Но на пути к нашей мечте непреодолимой преградой пролёт Урил.

Решено было делать плот: рубили ветки, палки, связывали их. Работа шла туго, долго. Солнце клонилось к закату, плот был готов, но плыть на нём мы так и не решились – доверия он не внушал. Пошли вдоль берега по заброшенной дороге в надежде выйти по возможности к сопкам. Взглянув на часы, решили отложить свою мечту до завтра и готовиться к ночлегу.

Для привала мы сыскали место в ближайшей берёзовой рёлке. Я предложил Пахе сделать шалаш под деревом, но он вначале не поддержал мою идею. Вспоминая изображение в книге по выживанию, я вырубил длинную палку, поставил её сверху на две вбитые в землю рогатульки, сзади для ската прислонил к ней ещё несколько вертикальных тонких стволов берёз. Паха, увидев, что дело продвигается довольно успешно, стал активно мне помогать. Сзади мы привязали ещё несколько поперечин, а каркас из палок мы покрыли наломанными ветками. Получился недурной односкатный шалаш хотя бы для спасения от комаров. Здесь мы побросали рюкзаки, взяв с собою только ружья, отправились на разведку по той дороге вдоль берега Урила.

Прошли пару километров вверх по течению, поняли, что идти так можно долго, а сопки лишь отдаляются. Форсировать реку мы не могли, задержаться в походе не позволяли ограниченные запасы, и мы приняли решение наутро отправляться домой. Побрели обратно, к месту ночлега. Заходим в берёзовую рёлку, а шалаша нет. Обошли её всю - нет никакого шалаша! Неподалёку ещё одна такая же роща – один в один. Прочесали и её – нет шалаша! Никак не можем найти, даже запаниковали: ведь там наши рюкзаки, еда!

Солнце уже зашло, а в лесу стемнело ещё раньше. Чудом лишь в третьей идентичной двум прочёсанном нами рёлке дожидался искомый шалаш. Мы разожгли костёр, вскипятили чаю, поели сала, огурцов. Как водится, коротали вечер за разговорами, шутками – двум друзьям всегда найдётся о чём поговорить!

Дело ко сну. Решили, что будем спать по очереди и следить за костром, на который возлагали надежды по спасению от комаров, ведь их было так много, что одним ударом ладони на плече можно было убить сразу около двадцати. Я приступил к своему дежурству, завернувшись в полиэтилен, прислонившись к шалашу. Ночью стало прохладнее, комаров стало словно больше – подвинули костёр поближе. Только я начал засыпать, как почувствовал, что меня кто-то жалит в щеку. Оказалось, что костёр разгорелся, его искры падали на полиэтилен, опаляли его и падали мне на лицо, обжигая. Проснувшись, я добросовестно следил за костром всё

оставшееся время моего дежурства. На посту меня сменил Паха, и я спокойно уснул. Ближе к утру проснулся: друг спит, костёр потух. Разожгли огонь, позавтракали, упаковали рюкзаки, собрали ружья и часов в шесть отправились в дорогу.

То был обратный путь.

Мечта осталась мечтой.

Уже после, детально разбирая наш поход, я выяснил, что, когда мы потеряли ориентир и сбились с азимута, то взяли сильно правее, и вышли к Урилу. За ним виднелись отроги Малого Хингана – а это в заповеднике, то есть мы наблюдали за Урилом не Синегорье, а сопки Хинганского заповедника.

Вышли из леса, оставив шалаш и своей же тропой пошли потихонечку назад, сбивая росу с утренней травы, насквозь промочившей нам ноги. Уже за спиной оказались рёлки-тройняшки, в которых мы плутали вчера вечером в поисках шалаша, когда перед нами открылась большая падь с уклоном по направлению к Амуру. Вдоль по ней петляла широкая звериная тропа, и кто-то только что по ней прошёл, так как роса на ней была сбита. Впереди на тропе мы увидели что-то рыжее. Думали, лисица. Присмотрелись, а это косуля. Ох, как мы обрадовались! Думали, мяса принесём домой. Я вскинул ружьё, болтавшееся на плече: «Бах!» - осечка. Быстро перезарядил, выстрелил – не попал. Пока Паха вскидывал своё ружьё (он нёс его, перекинув за спину, поэтому долго снимал) стрелять было совсем поздно – козёл ринулся через падь в сторону от нас и был таков. Упустили к нашему огорчению и к счастью для животного. Остаток пути мы, конечно, держали ружья наготове – в руках, но косули нас в тот день старательно обходили.

Так шли мы долго, пока не вышли к большому озеру. С одной стороны к нему тянулась тропа рыбака, упиравшаяся в небольшую рёлку, где виднелись какие-то строения типа шалаша. Зашли в лесок. У нас уже оставалось мало пить, мало есть. Здесь мы, уставшие от трудной дороги, перекусили, разделив на двоих скудный паёк, и до того нас потянуло в сон,

что тут же, посреди бела дня, легли на полянке и уснули на добрых полчаса, закутавшись в одежды от неумолимых паутов, не щадивших усталых путников. На силу проснувшись, мы продолжили путь и вскоре очутились у озера, которое по всем признакам напоминало хорошо знакомое нам Лебединое (как оказалось, я перепутал, это было Листвяное, а оно намного дальше). Через кочки мы вышли на высокий большой луг, в стороне, вдоль суходола – рёлочка, там ещё одна. Невыносимая жара, дикая усталость иссушила наши силы. Паха сказал, что не может больше идти и остановился. Я забрал у него рюкзак, повесив его впереди себя, и ружьё, постаравшись облегчить его страдания.

Наконец-то подошли к знакомым просторам, и на сей раз я точно определил место: слева – Самсоновская пасека, справа – Ганукан, и если прямо через него пройти, то до деревни рукой подать. Достигли Ганукана. А по дорогам-то идти страшновато: у нас ружья. Поэтому я предложил Пахе напрямки перейти речку и идти незаметно. Но друга не столь пугала перспектива встретиться со злобными егерями, сколь он был не в состоянии ещё сколько-нибудь следовать по пересечённой местности. Паха отказался наотрез осторожничать, и я решил идти с ним, не могу же я его оставить. Ружья, естественно сложили в рюкзаки, благополучно добрались домой.

Уже в деревне разошлись по домам, уставшие, ноги ныли. Так далеко мы ещё никогда не ходили. В пути в общей сложности находились около полутора суток. Через пару часов на велосипеде я приезжаю к другу:

- Ну что, ещё пойдём?! – спросил я Паху

- Да, пойдём! – бесстрашно отвечал мне неустоимый друг.

Хоть наша цель не была достигнута прошлым вечером, но впечатлений от этого не убавилось. И мы ещё долго с ним обсуждали наш поход, и всем знакомым пацанам рассказывали разные истории о нашем путешествии.

Когда я стал взрослым, то уж не раз бывал в Синегорье, и охотился там, и просто гулял, и по работе ездил в те края. И таких длительных походов в моей жизни было предостаточно. Но тогда, в юности, я ведь так и не смог пересечь Гануканский заказник – все эти пади, эти болота – и дойти до мечты!

Эх... Мечта моя, детская заветная мечта...

О тех, кто рядом

Мамы

История эта ничуть не сказочная, но в меру удивительная, случилась в середине февраля. Пёстрая кошка Мурыска, дочь чёрно-белой Мурки, в канун дня всех влюблённых родила на свет трёх котят – Пёстрого, Тёмного и Светлого. Крошечные пушистики появились на свет в коробке, ночью. Наутро, когда уже всё было готово, мы наблюдали, как они жмутся друг к другу, а умиротворённая Мурыска со следами счастья на глазах, кормила их, напевая под нос мурчание.

Строгая Мурка, собиравшаяся в ту пору вот-вот тоже стать матерью, шипела на Мурыску, не давая ей проходу, не признавая в ней ранее обожаемой дочки. Мурыска старалась быстро покушать, после чего напугано, прижавши уши, пробегала к детишкам.

Пришло и Муркино время становиться мамой. На тот момент её внучатам было 5 дней. Мурке тоже приготовили корзинку, посадили туда. Но кошка посчитала, что ей видней и решила сама выбрать уютный уголок для своих будущих крошек. Её выбор пал на Мурыскину коробку. Мурка заселилась туда в отсутствие хозяйки, ничуть не смущаясь того обстоятельства, что там уже живут. Переезжать в корзинку она отказалась наотрез, предпочитая уже обжитое место.

А что же несчастная Мурыска? Она вернулась к котяткам и с удивлением обнаружила, что её место заняла незваная гостья.

Чтобы не разлучать семью и не нервировать Мурку, пришлось переселить Мурыску в корзинку. Обе кошки остались довольны, правда, несколько растеряны такими переменами в их жизни.

В ту же ночь у Мурки появились Серый и Пятнистый. Но она решила не ограничиваться малым, тем более материнский инстинкт возобладал над разумом, и в отсутствии Мурыски перетащила её тройню к себе в коробку.

А котяткам-то что! Впятером веселее и теплее. Они переплелись в один большой комок в объятиях Мурки и кормятся, счастливые. А Мурка, такая важная, вся из себя многодетная мать, свернувшись полукругом, выглядывает из своего убежища и радуется.

А Мурыска? Вернулась, с удивлением заглянула в коробку – котят нет. Так кошка стояла в недоумении и смотрела на кормящую довольную Мурку. «Что-то здесь не так», - читалось в её вопрошающем взгляде.

На сей раз отлучилась Мурка. Мурыска сменила её на ответственном материнском посту. Малыши, почуяв мать, жалобно запели хором на пять голосов, притворяясь, что их не кормили вечно, а потом затихли, причмокивая и фыркая. Не удивительно, что при таком режиме питания они быстро росли. Через несколько дней они открыли глазки, выпрямили ушки.

К концу февраля они уже с любопытством рассматривали окружающий мир, а во сне сладко улыбались, уткнувшись крошечными розовыми носиками в своих двух мам. А Мурка и Мурыска так и нянчили их по очереди. И все они были счастливы.

Когда котят чуть окрепли, научились самостоятельно кушать, узнали, какой на самом деле огромный и интересный мир, наша бабушка посадила их в корзинку и увезла раздавать. На улице посёлка, неподалёку от школы, котят (Пеструшка, Ночка, Ромашка, Пятнашка и Перчатка) были розданы в добрые руки ребяташек, спешащих с уроков домой.

История одного аквариума.

На «юбилей» дочери подарили ей аквариум. Задумали давно, но ждали, когда интерес к рыбам и чувство ответственности пересекутся в точке максимального значения. Решили, что 10 лет – самое оно. Вообще-то ребёнок просил черепашку, но черепашья природа как-то не предусмотрела периода бодрствования на конец мая, а спящих торопыг в зоомагазинах не продают. Поэтому аквариум.

В день рождения доча никак не могла угадать, что находится в «чёрном ящике». Поэтому строила самые невероятные предположения, среди которых не прослеживалось ни малейшего намёка на стеклянный ящик для воды. Нельзя сказать, что она была не рада. Скорее не ожидала. Её запросы, судя по тем догадкам, которые она строила по поводу коробки, накрытой покрывалом, были куда скромнее. Мы удивлялись, сколько ещё всего можно было подарить в качестве альтернативы! Но всё же это был аквариум.

Не очень большой по меркам аквариумов – всего-то на 27 литров. По инструкции полагалось запустить его вместе со всем жизнеобеспечением на две недели, но без рыбок, чтобы там завелись определённая грязь, планктон, микроводоросли и кислород – всё, что надо для рыбьего счастья.

До запуска аквариума, судя по книге для начинающих аквариумистов, необходимо было заправить его прокипячённым грунтом и камнями, засадить водорослями, после чего он должен был помутнеть, потом самоочиститься, что означало бы победу добра над злом. Мы добросовестно принесли ведро речного песка, который просеяли на несколько раз и промыли ледяной водой до золотистого блеска, закипятив его в баке, помешивая деревянной лопаткой. На соседней конфорке скромно ютилась небольшая кастрюлька, до отказа наполненная кремушками и галькой разноцветных окрасок (благо этого добра у нас скопилось в цветочных горшках, коробках и во дворе целая коллекция), предварительно вычищенных зубной щёткой, непременно небольшого размера (чтобы не треснули стенки) и обязательно гладких (чтобы рыбки не поранились).

Конечно, грунт и камни можно было купить искусственные, но мы за натуральность и не ищем лёгких путей!

В магазине рыбок и аквариумов нам сказали, что можно вообще без грунта и камней...

Но мы не ищем лёгких путей!

Стерильный песок был живописно вывален на дно аквариума, камни – аккуратно, небрежным образом, разбросаны по песку, покрыты водой. Высажен куст криптокорины, если верить атласу-определителю для начальной школы (самое популярное научное издание в нашей семье – настольная книга дочери-третьеклассницы). По поверхности

непринуждённо плавали роголистник и пистии (по мнению того же атласа-определителя), подгоняемые струёй воздушного фильтра. В общем, вся семья утвердилась во мнении, что рыбкам должно понравиться.

Пока наши будущие водные обитатели маялись в ожидании нас, томясь в неведении дальнейшей судьбы, в своём зоомагазине, мы приступили к изучению их ассортимента в мире, используя для этого все доступные источники информации – всё тот же атлас-определитель, книгу «Аквариум дома», открытки «Аквариум дома», соседку, у которой когда-то был аквариум дома. Она поведала жуткую историю, как несколько лет растила скалярий и вуалехвостов, как детей родных, в своём маленьком аквариуме, каждую неделю чистила его, каждые полгода меняла фильтр на новый. Но однажды фильтр взорвался, и рыбки, конечно, не выдержали удара, кроме стойкого телескопика. После этого соседка свела своё подворье окончательно.

После такого обстоятельного рассказа мы разуверились в своём необузданном желании держать аквариум, но, прочно встав на дорогу аквариумистики, отступить было поздно.

Две недели ожидания торжественного запуска рыбок не прошли для нас напрасно в интеллектуальном отношении. Мы узнали, что рыбки не любят жёсткую воду, следовательно, уровень pH в воде должен быть нейтральным, конечно, если это не танганьикские цихлиды, так как эти вредины не признают низкий pH. Все наши знакомые «специалисты» по аквариумам заверили нас, что вода из-под нашего крана с нормальным pH, и мы успокоились, твёрдо решив, что никаких танганьикских цихлид в нашем доме не будет (подумываем над суматранским барбусом). «Но уж точно не львиноголовку! – решила доча, – она некрасивая». Папа предложил ротанов, но его никто культурно не услышал. Из всех диковинных названий больше всех нам запомнилось «тиляпия», хотя никто точно не знал, как она выглядит, но предположительно относится к семейству цихлид.

Мы честно держались 12 дней без рыбок. Надо отметить, что аквариум с грунтом и прочим ландшафтом, освещённый диодной лампой, волнующийся при помощи фильтра, колыхающего листики криптокорины, подгоняющий вольных пистий и роголистник, подогреваемый терморегулятором, призванным воссоздать температуру тёплого океанического течения, сам по себе уже привлекателен. Доча шутя предложила на этом остановиться и не покупать рыбок. Мы наблюдали за ним не отходя, боясь представить, что же будет, когда населим его обитателями. За эти дни не произошло ожидаемой борьбы света и тени – аквариум остался чист и светел, без признаков помутнения. Всё ещё впереди – не унывали мы, заподозрив, что так тоже может быть, и, вообще, ну их, эти книги! На 13 день отправились в зоомагазин. Ни о чём не догадывающиеся рыбки томно плавали за стеклом, без интереса поглядывая на посетителей магазина. А прожорливые гуппи постоянно толпились у передней стенки аквариума, ожидая корма. У стеллажа с ихтиомиром мы с дочей находились примерно столько же, сколько времени требуется обойти областной краеведческий музей, подробнее ознакомившись с этикетками экспонатов. Местный рыбопитомник к счастью не имел в себе тилапий и прочих танганьикских цихлид, а также львиноголовок – ужас

атласа-определителя. То есть ассортимент радовал своей лаконичностью. Наш улов составил 5 неонов, 4 барбуса (не суматранских) и 2 жёлтых данио, по поводу которых нас уверяли, что они вообще-то зелёные по паспорту, но тем не менее они упорно оказались лимонно-жёлтыми. Взяли и ещё одну улитку-ампулярию, жизненное призвание которой чистить стенки аквариума и по совместительству питаться этим. Приветливая продавщица рекомендовала её как опытного специалиста по клинингу, и каждое уважающее себя аквариумное сообщество должно иметь ампулярию в своём составе.

Рыбок, не желавших менять просторный аквариум на прозрачный пакетик и покидать друзей и знакомых ради новой жизни, вылавливали сачком. Они молчаливо показывали своё несогласие с постигшими их переменами. Неоны даже потускнели. «Пакетик так пакетик», - подумала улитка, пожав плечами и пошевелив глазами, ведь она везде как у себя дома.

Торжественный выпуск рыбок в наш аквариум увековечили в сердцах, умах и на камеру. Всех малышей окрестили именами мальчиков из нашей школы. Но они пока не откликаются на них – не привыкли.

Наше хозяйство с ходу определило для себя ареал обитания – каждый свой. Ампулярия сразу принялась за дело на стенках аквариума, совмещая приятное с полезным (питание и уборку), барбусы замаскировались под грунт, неоны предпочитали держаться своей бандой в середине толщи воды, а жёлтые данио не были солидарны друг с другом в своих предпочтениях среды обитания: который поменьше плавал повсюду, а его здоровый коллега сразу занял козырное место – у поверхности, поближе к еде. Он охранял свои территориальные воды, гоняя всех, кто их нарушал, без учёта пола и цвета кожи. Когда по поверхности расплывалась щепотка высушенных толчёных личинок, называемых кормом, рыбы интенсивным скопищем своими маленькими ротиками хватали эти крошки с таким видом, будто не ели вечность. Большой жёлтый данио не знал, что для него в тот момент важнее: молниеносно поглотить всё съедобное, чтобы никому больше не досталось, или отгонять непрошенных гостей. Одинаково хорошо делать и то, и другое одновременно у него не получалось, так он и мечется во время ужина из одной крайности в другую. Поэтому рыбы успевают и поесть, и вдоволь посмеяться над неудачливым жадиной-агрессором.

Бесконечно долго можно смотреть на огонь, воду, стиральную машину во время стирки, но аквариум в этом списке всё же не первый. Конечно, по началу дети даже принимали пищу исключительно созерцая жизнь подводного мира, даже телевизор с мультиками им заменял аквариумный экшн. Но со временем привыкли, стихли визги восторга по поводу барбуса, вытворяющего кульбиты и сальто под струёй воздушного фильтра.

Правда, кормили добросовестно – 1 раз в день, с разгрузочными днями по воскресеньям – всё, как было заведено на их родине – в зоомагазине. Прошло немного времени, и мы решили разнообразить внутренний мир загончика – подселили туда двух сомиков (коридорас), задача которых заключалась в чистке дна своими встроенными пылесосами на месте ротового аппарата. На сдачу взяли ещё одного данио на сей раз зелёного цвета. Точно зелёного.

Случилось так, что рыбы стали пропадать из аквариума. В один прекрасный постразгрузочный день мы не досчитались маленького жёлтого данио и обыскались второго сомика. У сомиков привычка сливаться с дном, выше которого они поднимались редко, считая ниже своего достоинства общаться с остальными рыбами. Поэтому обычно потеряшки находились внезапно. Но в этот раз поиски не увенчались успехом, и сомик не объявился ни вечером, ни следующим утром. Рыбок не было ни в живых, ни в мёртвых. Их вообще не было. Ни в аквариуме, ни около, ни под ним. По поводу таинственного исчезновения мы строили разнообразные логические предположения, например: в конец обнаглевшие кошки, пользуясь отсутствием хозяев, открывают крышку аквариума, вылавливают за хвостик наших друзей, после чего закрывают крышку, как ни в чём ни бывало; или рыбки замучились жить в четырёх стеклянных стенах, и как в мультфильме «В поисках Немо», отправились искать свою историческую родину. С маленьким жёлтым данио всё итак ясно: с одной стороны он не выдержал прессинга своего большого брата-близнеца, с другой – зелёного конкурента. Для него пословица «Старый друг лучше новых двух» оказалась жизненным кредо.

Но улики, точнее их отсутствие, намекали нам, что рыбы самоуничтожались при помощи своих же коллег. Конечно, криминальные подозрения сразу же пали на драчуна данио, которого всей семьёй рентгеновским взглядом, преисполненным укора, мы просвечивали на предмет преступления. В наказание рыбкам объявлялось двухразовое питание и забастовка разгрузочным дням. Как вариант, рыбки могли умереть сами, от тоски, а остальные, больше не усматривая в них своих собратьев, из санитарных и других рациональных соображений устранили следы их пребывания в аквариуме. Последней жертвой стал второй сомик. Его останки дети обнаружили около красного камушка. Через какое-то время исчезли и они. Рыбы не равнодушны к смерти себе подобных, и не хотят, чтобы она оказалась напрасна. Сомиков решили больше не брать – они не справились со своими обязанностями.

По нашим представлениям при новой диете каннибализм должен был быть исключён, но мы снова не досчитались на сей раз барбуса. На следующий день интерьер и экстерьер аквариума обновили путём его очищения его дна и стенок до первозданной чистоты (насколько это было возможно). Барбус нашёлся.

Из жизни данио

Жёлтый данио, который покрупнее из тех, что мы купили, в первый же день жизни в нашем аквариуме показал себя заправским хулиганом и забиякой. Он занял верхний слой воды и с так добросовестно охранял свои территориальные воды, что другим не оставалось шансов, если вдруг какой заблудший комар, одиноко летавший по дому, попадал на поверхность воды. Данио свято верил, что всё, что попадало на поверхность, то предназначалось исключительно ему, поэтому и не терпел покушающихся на чужое добро.

Рыбки привыкли к такой заносчивости данио и иной раз поднимались к поверхности – просто так, чтобы подразнить. Данио стремительно летел за наглецом, гнал его до середины аквариума и с гордым видом отправлялся к себе наверх - мало ли ещё кто. А «наглец» тем временем оглядывался на «обидчика», весело хохоча и наблюдая, как очередной барбус или неон уже поднимается пощекотать нервы.

Особые тёплые отношения у большого жёлтого данио сложились с его меньшим братом. Маленький данио редко покушался на личное пространство старшего. Но затейника это не останавливало, он же не мог допустить, чтобы кто-то оставался в стороне от веселья, тем более, если это особь твоего же вида, поэтому наш весельчак бросался в погоню за маленьким данио всякий раз, когда он появлялся в поле его зрения, гоняя его по всему аквариуму, пока не надоест и оба не запыхаются.

Однажды появился зелёный данио, а маленький жёлтый исчез без следов. Зелёный не был знаком с неписаными правилами жизни в аквариуме и плавал, где ему вздумается. И конечно же, влипал в истории.

Наверное, жёлтому пятисантиметровому гиганту надоело добровольное гордое одиночество. Тем более зелёный собрат быстро перенял у него все правила поведения и составил ему неплохую конкуренцию в вопросе хулиганских разборок. Однажды ранним утром за стенками аквариума можно было наблюдать непривычную глазу картину: оба данио, не гнушаясь весёлой компании своих товарищей, в самой гуще событий, устроили синхронное плавание: устремлялись бок о бок то вправо, то влево, снуя между листиками криптокорины, потом начинали кружиться в удивительном вихре вальса, то по очереди гонялись друг за другом. Неоны, замороженные рыбьим танцем, тоже начали парные догонялки между собой, применяя тактику челночного бега. Только лишь сонные барбусы на всё происходящее смотрели свысока, находясь как бы в стороне от этого утреннего весёлого сумасшествия. Их больше интересовало своё отражение в стёклах аквариума. И только улитки-ампулярии невозмутимо продолжали заниматься своим делом.

Адаменко Светлана Валерьевна. Амурские рассказы. Аркадьева, 2019. – 94 с., с илл.

Фото Адаменко И.А., Адаменко С.В.

Все вопросы, предложения и пожелания направляйте по данному адресу:

Эл. почта: admenko_1989@mail.ru